

УДК 327.8

doi: 10.18101/2305-753X-2017-2-19-32

РОЛЬ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© **Коротышев Александр Павлович**

кандидат исторических наук, доцент
кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории
Института международных отношений и мировой истории,
Нижегородский государственный национальный
исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: aleks_korotyshev@mail.ru

© **Леушкин Денис Вячеславович,**

кандидат политических наук, доцент
кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородский государственный национальный
исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: Dleush@rambler.ru

© **Сорокин Александр Сергеевич,**

кандидат исторических наук, доцент
кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородский государственный национальный
исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: aleks_sorokin@mail.ru

В статье анализируются подходы экспертов США, России и Европейского Союза к ситуации в Центральной Азии. Рассматриваются основные особенности восприятия этого региона ведущими «мозговыми центрами» внерегиональных сил. Особое внимание уделяется предложениям экспертного сообщества по внесению изменений во внешнеполитический курс трех ключевых игроков в политике региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, экспертные оценки, Российская Федерация, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, внешняя политика.

Подходы аналитических центров США к политической ситуации в Центральной Азии

Центральная Азия традиционно оставалась относительно «закрытым» для США регионом, входя в сферу приоритетных интересов Китая и России. С одной стороны конкуренция этих влиятельных государств позволяла США не опасаться появления в регионе явного лидера. С другой, Китай и РФ брали на себя все риски борьбы с зарождением в регионе новых угроз безопасности. Однако в 2015–2016 гг. ситуация в значительной мере изменилась.

В экспертной среде США 2015 г. ознаменовался всплеском интереса к Центральной Азии.

Особенно интересен цикл аналитических докладов Центра стратегических и международных исследований (CSIS), посвященный перспективам отдельных государств региона и их возможной роли в американских коммуникационных проектах: «Центральная Азия в ре-коммуникации Евразии и Кыргызстана»[1], «Центральная Азия в ре-коммуникации Евразии и Казахстана»[2], «Центральная Азия в ре-коммуникации Евразии и Таджикистана» и др. Основной мыслью данного цикла является тезис о необходимости пересмотра подхода США к государствам Центральной Азии. Новым приоритетом объявляется их «вовлечение в мировую торговую систему», «преодолевая трения», которые могут возникнуть как внутри региона, так и между глобальными игроками [3].

Центральное место в упомянутом цикле занимает доклад «Центральная Азия в ре-коммуникации Евразии: интересы и рекомендации США» [4]. Столь часто употребляемый экспертами термин «ре-коммуникация» (reconnecting) здесь получает завершающее оформление в виде рекомендаций лицам, принимающим решения в США. А именно:

1. Создать в структуре Совета Национальной Безопасности США отдел по проблемам Евразии.
2. Нарастить объем торговли и инвестиционных проектов США в государствах Центральной Азии.
3. Попытаться, совместно с Китаем, выработать общие подходы к концепции «нового шелкового пути» и начать ее реализацию.
4. Нарастить активность политических визитов в Центральную Азию, на самом высоком уровне.
5. Борьбаться с влиянием Китая и РФ в регионе, предлагая местным элитам более выгодные проекты.
6. Содействовать развитию в регионе интеграционных проектов с участием США.
7. Развивать сотрудничество в сфере образования, науки, бизнес-контактов, тем самым устанавливая тесные связи с элитой государств региона [4].

Заметно, что Центральная Азия должна стать местом развертывания новых экономических и коммуникационных проектов, зоной торгово-экономической экспансии США.

Отдельным направлением в разработках американских экспертов является пересмотр приоритетов американо-китайских отношений. Весь спектр исследовательских усилий в данном направлении отражает статья с характерным названием «Recalibrating on China» («Переключаясь на Китай») [5]. Ее основные тезисы заключаются в следующем:

- США необходимо значительно расширить двусторонние связи с Китаем в экономической сфере;
- следует попытаться оказывать влияние на «траекторию экономических реформ в Китае» [5] с тем, чтобы сделать бизнес-среду страны более благоприятной для деятельности американских фирм;
- многие государства Азии ориентируются на Китай как на источник экономического роста, однако США пока сохраняют статус главного гаранта безопас-

ности в регионе, а также остаются образцом политического устройства. Нужно укреплять политические связи с государствами региона, ограничивая попытки Китая претендовать на региональное лидерство [5].

В фокусе внимания экспертов Центра также традиционно находятся развитие китайского военно-промышленного комплекса, эволюция стратегии и тактики использования вооруженных сил Китая [6]. Устойчивый интерес вызывает и российско-китайское экономическое сотрудничество [7].

Отметим, что внешняя политика Китая является объектом пристального внимания и других аналитических центров. Эксперты СТРАТФОР утверждают, что ее основным вектором является плавное проникновение в Центральную Азию, причем за экономической экспансией неизбежно последует военно-политическая [8].

Проблема осмысления аналитиками новой роли США в Центральной Азии тесно связана с их попытками разработать эффективную внешнеполитическую стратегию в отношении БРИКС.

В американской экспертной среде достаточно распространены идеи о возможности (и необходимости) ослабить связи внутри БРИКС. В названии одного из докладов содержится весьма неоднозначный термин «демократический БРИКС» [9]. С точки зрения экспертов, «three democracies in the group – Brazil, India, and South Africa – share more with the West in terms of political systems and values than they do with China and Russia» («три демократии в этой группе – Бразилия, Индия и ЮАР – в области политического устройства и гражданских ценностей имеют больше общего с Западом, чем с Китаем и Россией») [9]. Что же касается экономики, то, по мнению аналитиков, перечисленные страны взаимодействуют с Китаем и Россией потому, что это предоставляет им взаимовыгодный, гибкий и не слишком обязывающий механизм выхода на мировые рынки. Соответственно, основной задачей США эксперты видят создание такой системы отношений с Бразилией, Индией и ЮАР, которая предложит им более выгодные условия. Предполагается, что эти государства легко откажутся от взаимодействия с «авторитарными странами» в пользу сотрудничества с США.

Аналитические центры США достаточно внимательно отслеживают экономические и внутривнутриполитические процессы в странах БРИКС. Примером может служить ряд аналитических разработок CSIS: “Brazil’s Presidential Elections. Expectations for Foreign Policy” («Президентские выборы в Бразилии: ожидания во внешней политике») [10], “India in 2014: Elections and Economy” («Индия в 2014: выборы и экономика») [11], “Launching a New Chapter in U.S.-Africa Relations. Deepening the Business Relationship” («Открывая новую главу в американо-африканских отношениях. Расширение сотрудничества в сфере бизнеса») [12]. Представляется, что это имеет ту же самую цель, т.е. предложить членам БРИКС более выгодные условия экономического сотрудничества, чем они могли бы иметь внутри объединения.

Подобная стратегия предлагается и в отношении соседей России в Центральной Азии. По мнению аналитиков CSIS, в правящих элитах постсоветских государств очень сильны страхи, как перед «оранжевой революцией», так и перед имперскими амбициями России. Эти страхи следует использовать для под-

держки антироссийских настроений внутри государств постсоветского пространства [13].

Что же касается собственно политики РФ в Центральной Азии, то американские эксперты усматривают в ней стремление восстановить традиционное политическое влияние. При этом Россия, по их мнению, будет отдавать предпочтение военно-политическим рычагам и сотрудничеству в сфере безопасности. США, в свою очередь, должны предложить государствам Центральной Азии новые экономические проекты [14]. Считается, что подобная стратегия может быть особенно удачной на фоне падения мировых цен углеводороды. С одной стороны, это снижает экономические возможности России, с другой, создает дополнительные стимулы для сотрудничества государств региона с США [15].

В целом, новая американская стратегия в Центральной Азии подчиняется общей логике современной внешней политики США, в которой центральным приоритетом является сохранение своего политического лидерства. В среде американской элиты, по всей видимости, сильны опасения потери мирового экономического лидерства. Их вполне ясно выражает цитата из доклада CSIS, посвященного американской экономической политике: «Конкуренты и стратегические союзники США, такие как Бразилия, Китай, Европейский Союз, Япония, Индия и Россия, стремятся к наращиванию экономической мощи и конвертации ее в ведущий инструмент мировой политики» [16].

Авторы данного документа констатируют, что масштабные институциональные проблемы и несовершенство механизмов принятия решений снижают эффективность ответных мер США, ослабляют их позиции в мировой экономической конкуренции. Отметим, что необходимость пересмотра подходов США к внешнеэкономической деятельности и торговым отношениям неоднократно подчеркивалась экспертами аналитических центров. В качестве примера можно привести доклады CSIS “Delivering the Goods: Making the Most of North America’s Evolving Oil Infrastructure” («Доставка товаров: максимально эффективное использование развивающейся нефтяной инфраструктуры Северной Америки») [17], “Opportunities in Strengthening Trade Assistance” («Возможности в расширении торгового взаимодействия») [18], “New Energy, New Geopolitics. Background Report 2: Geopolitical and National Security Impacts” («Новая энергия, новая геополитика. Справочный доклад 2: последствия для геополитики и национальной безопасности») [19]. Некоторые из них, такие как доклад “Leveraging Global Value Chains for a Federated Approach to Defense” («Использование общемировых торговых цепочек для укрепления безопасности в многостороннем формате») [20], напрямую увязывают архитектуру внешнеэкономических связей США с национальной безопасностью государства.

Анализ рекомендаций, предлагаемых в упомянутых разработках, выходит за рамки настоящей статьи, однако важен сам факт: США вынуждены перестраивать свою внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность под давлением других государств.

Российские аналитические центры о ситуации в Центральной Азии

Для российских экспертов по внешней политике и специалистов по Центральной Азии характерно заметное расхождение с официальной позицией российского МИД по вопросу роли и перспектив России в этом регионе. Если официальная информация внешнеполитического ведомства констатирует прочные политические связи со странами региона и позитивную роль России в решении региональных проблем, то аналитические доклады и научные работы по Центральной Азии подчеркивают ситуативность российской политики и отсутствие долгосрочного планирования.

В частности, официальная информация МИД России об отношениях со странами Центральной Азии подчеркивает лидерство российских корпораций в инвестициях в их экономику, в том числе 47% – в ТЭК, 22% – цветную металлургию, 15% – телекоммуникации [21]. В то же время, подготовленный в 2013 году, до начала экономического кризиса, экспертами Российского совета по международным делам и Института Востоковедения РАН аналитический доклад «интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители» характеризует деятельность российского бизнеса по инвестированию в регион как «единичную» [22]. При этом указывается, что такая ситуация стала следствием не только объективных, но и субъективных причин [22].

Необходимо также отметить, что по некоторым вопросам позиции официальных лиц и экспертного сообщества в целом схожи, расходясь лишь в деталях. Так, похожим образом российским МИД и авторы аналитических разработок воспринимают проблему трудовой миграции. Если оставить «за скобками» внутророссийские проблемы связанные с нелегальной формой миграции, то комментарии чиновников и специалистов будут иметь между собой много общего. Так, МИД акцентирует внимание на том, что Россия принимает излишек трудовых ресурсов центральноазиатского региона, снижая тем самым там социальную напряженность [21]. Аналитики российских научных центров также признают важнейшую роль трудовой миграции для экономик стран Центральной Азии, отмечая, что их денежные переводы составляют в отдельные годы до 47% ВВП этих стран. Такая ситуация крепко привязывает экономики региона к России с соответствующими политическими последствиями [22].

Общие черты между позицией внешнеполитического ведомства и экспертного сообщества можно найти также в очень сдержанном отношении к такой традиционной многосторонней структуре взаимодействия России и ее партнеров как Содружество Независимых Государств. Так, на официальной странице МИД об отношениях со странами Центральной Азии СНГ упоминается наряду с другими интеграционными объединениями (ШОС, ОДКБ, ЕАЭС) и ей не отводится никакой особой роли. Эксперты ставят вопрос еще шире, рассматривая в целом многосторонний и двусторонний подход к укреплению российских позиций как конкурирующие между собой. Особенно актуально это противопоставление для экономического взаимодействия с очень различающимися по масштабам и структуре экономик странами [22].

Важно отметить и еще одну особенность российской экспертизы процессов в Центральной Азии, обозначившуюся в последние годы. Она связана с отходом

от одностороннего восприятия диверсификации экономических связей стран региона как покушения на российские интересы. Такая позиция до сих пор встречается в публицистике, однако научные разработки подчеркивают тот факт, что расширение экономического и торгового партнерства по всем векторам – нормальное явление современного мира для всех стран и государства данного региона не являются исключением [22].

Такое изменение можно признать существенным поворотом в развитии российского научного анализа положения в государствах Центральной Азии. Так, еще в 2010 году в сборнике докладов подготовленных МГИМО (У) МИД России по итогам конференции «Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества» присутствовали статьи, где ситуация в регионе рассматривалась в первую очередь с точки зрения потенциальной конкуренции России и изучаемых стран за рынки сбыта углеводородов. Лишь после рассмотрения которых разбирались уже достигнутые успехи в экономической интеграции [23]. Такая позиция вполне объяснима, исходя из ситуации в тот период, и ее изменение отражает коррекцию восприятия места России в Центральной Азии научным сообществом.

Ощутимым сдвигом стало также смещение акцентов в понимании национальных интересов России с чисто экономических приоритетов к проблемам безопасности. Так, специалисты Российского совета по международным делам в самом начале своей работы указывают, что интересы России в регионе в первую очередь продиктованы интересами безопасности. Такая позиция складывается, по все видимости, из анализа той активности и того огромного внимания, которое российское руководство уделяет развитию такой многосторонней структуры как Организация Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ) [22].

Если СНГ в работах российских аналитиков упоминается, как правило, в ключе необходимости реанимировать это направление работы, то комментарии и деятельности ОДКБ по большей части положительные. Отмечается стабилизирующая роль организации в ситуации в Таджикистане в 2000-е годы, активность стран в рамках этой организации в борьбе с трансграничной преступностью и терроризмом. В то же время, эксперты признают и присутствующие в ОДКБ проблемы, в основном вызванные демаршами отдельных участников из-за проблем в двусторонних отношениях с Россией.

Особую актуальность всем направлениями деятельности ОДКБ, а также двустороннему сотрудничеству в сфере безопасности придало обострение ситуации в Афганистане после вывода контингента войск НАТО и нарастания последствий их неудачных действий в этой стране [25]. Так, РСМД провел целый комплекс исследовательских мероприятий по анализу новой ситуации после завершения афганской кампании США и их союзников [22].

Если как важнейший многосторонний орган поддержания безопасности в России рассматривают ОДКБ, то в остающейся на повестке дня сфере экономического сотрудничества важнейшая роль отводится Шанхайской Организации Сотрудничества. Важнейшей особенностью этого объединения является членство в нем Китая, что позволяет синхронизировать в определенной степени интересы и усилия двух великих держав в регионе.

Характерно, что близкий к российским структурам власти Институт стратегических исследований (РИСИ) еще в 2013 году выпустил сборник статей по итогам совместной с китайским коллегами конференции «Центральная Азия: проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая)». В нем российские и китайские ученые высказывали свое мнение по важнейшим вопросам ситуации в Центральной Азии – вмешательству США, борьбе с наркотрафиком, энергетическим проектам, проблеме распределения водных ресурсов [24]. Можно констатировать, что поиск взаимопонимания и сотрудничества с Китаем в регионе уже несколько лет является императивом российской политики [31].

Таким образом, интересы России в регионе понимаются ведущими российскими экспертами в двух основных плоскостях.

Экономическое сотрудничество и интеграция. В анализе этого направления российского присутствия в Центральной Азии в последние годы произошел важный поворот, связанный с отходом от односторонних концепций. Страны ЦА перестали рассматривать исключительно как потенциальных конкурентов в борьбе за сбыт нефти и газа. Кроме того, работа в формате Шанхайской Организации Сотрудничества позволяет координировать усилия с КНР и комплексно смотреть на перспективы развития региона. Поэтому российские эксперты и дипломаты перестали воспринимать рост взаимосвязей стран ЦА с другими внешними партнерами как угрозу.

Проблемы безопасности и борьбы с терроризмом и трансграничной преступностью. В этом плане упор делается на укрепление структур ОДКБ и двусторонние контакты с отдельными странами. Многие эксперты рассматривают проблему урегулирования ситуации в Афганистане также с точки зрения российских интересов в Центральной Азии. Прогнозы развития ситуации на этом направлении достаточно мрачные в плане расширения угроз и их деструктивного влияния.

Важно также понимать, что большинство экспертов и аналитиков не считают реализуемую сейчас Россией внешнеполитическую линию в Центральной Азии оптимальной и предлагают шаги по ее улучшению [22]. В них чаще всего идет речь о расширении сфер взаимодействия на новые отрасли, особенно культуру, образование и телекоммуникации. Важным шагом считают эксперты и реформирование системы экономического взаимодействия через повышение эффективности двусторонних связей и оказание точечной экономической помощи странам региона. Без такой модернизации в условиях напряженности в соседнем Афганистане перспективы российского присутствия в Центральной Азии станут туманными.

Аналитические центры ЕС о политике крупных игроков в Центральной Азии

Центральную Азию трудно отнести к приоритетным направлениям внешнеполитической деятельности Европейского союза и ведущих государств-членов ЕС. Тем не менее, в последнее время произошло определенное оживление интереса к данному региону, о чем свидетельствует деятельность Специального представителя Евросоюза по Центральной Азии. Европейские мозговые центры также стали уделять больше внимания центрально-азиатским исследованиям.

Особый интерес представляют публикации Института исследований проблем безопасности ЕС (European Union Institute for Security Studies, EUISS), так как «...Говоря о структурах внешней и военной политики Европейского союза, нельзя обойти небольшой коллектив парижского Института исследований проблем безопасности ЕС, который входит в систему Европейской внешнеполитической службы. Институт не только участвует в аналитическом обеспечении политики, но и служит важным органом популяризации политики Европейского союза» [26].

Можно условно выделить несколько направлений экспертных оценок и исследований сотрудников Института, относящихся к Центральной Азии:

1. Политика Европейского союза и отдельных стран-членов в Центрально-Азиатском регионе.

2. Региональные процессы и тенденции, включая проект Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также мониторинг ситуации внутри государств Центрально-Азиатского региона.

3. Деятельность крупных держав в Центрально-Азиатском регионе (прежде всего, Китая, США и России) и ее соответствие интересам Европейского союза и влиятельных европейских стран.

В последнее время сотрудниками EUISS было подготовлено несколько аналитических материалов, посвященных центральноазиатской проблематике. Так, в статье «Переоценка отношений ЕС и Центральной Азии» (Recalibrating EU-Central Asia relations) анализируется текущее состояние отношений Европейского союза и его стран-членов с государствами Центрально-Азиатского региона и даются рекомендации пересмотреть существующие подходы к взаимодействию ЕС и стран Центральной Азии, в частности, в связи с геополитическими изменениями, происходящими в Центрально-Азиатском регионе, прежде всего, большей региональной вовлеченностью России и Китая, и пересмотром США своей стратегии в Центральной Азии [27].

Подчеркивается, что Европейский союз должен внести коррективы в свою позицию, в том числе в двусторонние и региональные инициативы со странами, которые не обязательно готовы сотрудничать по всем вопросам, представляющим интерес в Брюсселе. В контексте продолжающейся стратегической переоценки целей и инструментов общей внешней политики ЕС, а также подхода Евросоюза к своему окружению, стратегия в Центральной Азии представляет собой дополнительную возможность для ЕС и его государств-членов, задуматься о своих собственных интересах и роли, о коллективном видении в Центральной Азии и, самое главное, о способах и форматах, в которых будущее взаимодействие может быть активизировано, чтобы максимизировать его эффект [27].

На сегодняшний день Евросоюз разработал три региональных программы во главе с отдельными государствами – членами: «верховенство закона» (Франция и Германия); «вода и окружающая среда» (Италия и Румыния); а вот программе «образование», однако, еще предстоит найти своего куратора. Отмечается, что способность ЕС усилить свое влияние варьируется в разных странах Центральной Азии: расширенное Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Казахстаном предполагает, что влияние ЕС здесь может быть усилено; Кыргызстан и Таджикистан остаются открытыми для участия, в то же время у ЕС по-прежнему не хватает рычагов в Туркменистане и Узбекистане – хотя он может продолжать

осуществлять диалог, в том числе по демократическим реформам и правам человека, а также содействовать укреплению безопасности на границах [27].

Недавнее усиление деятельности Специального представителя ЕС в Центральной Азии может стимулировать политическую активность Европейского союза в регионе. Успешное решение задач спецпредставителя, к которым относятся: содействие политической координации деятельности ЕС в Центральной Азии, мониторинг хода реализации стратегии и поддержка региональной безопасности, вероятно, позволит Евросоюзу стать более заметным игроком в Центрально-Азиатском регионе.

Эксперты советуют ЕС быть более гибким в своих подходах, тщательно подбирать необходимые инструменты. Евросоюз и его государства-члены должны решить, какой формат будет предпочтительнее для каждой конкретной сферы деятельности. Это могут быть региональные, двусторонние форматы, а также программы, осуществляемые отдельными группами государств – членов. Кроме того, в меняющихся условиях Брюссель должен либо рассмотреть новые формы сотрудничества с Москвой – или найти ему альтернативы. Расширяющееся участие Китая в региональных делах ставит вопрос о том, может ли ЕС и его государства-члены реализовывать совместный с Пекином подход в Центральной Азии [27].

По мнению аналитиков института, США также в настоящее время пересматривают свой подход в отношении Центральной Азии, учитывающий региональные политические процессы, а также последствия военного сокращения сил в Афганистане. Американский подход, основанный на собственной стратегии «Нового шелкового пути», сосредоточен на укреплении безопасности, стабильности и институциональных реформах, стимулировании роста гражданского общества. Вашингтон продолжит уделять достаточное внимание региону, демонстрируя стойкую приверженность США обеспечению стабильности в Афганистане и шире, в Центральной Азии [27].

Аналитики Института также занимаются анализом политики России в Центральной Азии и реализуемым в регионе интеграционным проектам, таким как ЕАЭС и ОДКБ. В материале «Центральная Азия: взгляд из России» (Central Asia: the view from Russia) утверждается, что главной целью внешней политики Российской Федерации является создание многополярного мира, в котором Москва выступает в роли одной из ведущих держав. Авторы полагают, что с точки зрения Кремля, способность оказывать влияние за рубежом, или создать собственную сферу влияния превращает страну в великую державу. Именно через эту призму Россия рассматривает Центральную Азию и другие постсоветские территории. Таким образом, Россия разыгрывает сложную комбинацию, способствуя установлению минимального уровня стабильности в регионе, в то же время, стремясь сохранить и расширить свое политическое и экономическое влияние. Москва также стремится свести к минимуму вызовы своим интересам, как со стороны самих государств Центральной Азии, так и других великих держав, таких как Китай, США и, в меньшей степени, ЕС [28].

При этом утверждается, что укрепление центральноазиатских государств, с тем, чтобы они были в состоянии решать вопросы безопасности и развития, не является приоритетом внешней политики России. Вместо этого, Москва предпо-

читает «ловить рыбку в мутной воде управляемой нестабильности», имея дело с соседними государствами, которые достаточно слабы, чтобы быть влиятельными, но достаточно сильны, чтобы остаться на плаву [28]. Более того, Россия находит этот метод полезным инструментом внешней политики во многих регионах на постсоветском пространстве – в Грузии, Молдове и, в настоящее время, на востоке Украины. Также утверждается, что Россия пытается ограничить присутствие других великих держав в регионе. Это, прежде всего, касается любых западных (т.е. американских и европейских) проектов в области энергетики и безопасности, против которых постоянно выступает Москва, с тех пор, как страны Центральной Азии получили независимость. Хотя Россия не рассматривает участие Китая в регионе благосклонно, она не выступает против него открыто. Эксперты института полагают, что Россия вряд ли способна эффективно ограничить Китай, и рассматривает любые потенциальные споры в регионе как локальное соперничество, которое не должно подорвать стратегические отношения Москвы с Пекином. При этом Россия пытается достичь своих политических целей с помощью сочетания дипломатических, экономических проектов и инициатив в области безопасности. Главными инструментами России являются ОДКБ и ЕАЭС. Кремль позиционирует себя в качестве единственного субъекта, способного противостоять региональным угрозам безопасности через ОДКБ и свое военное присутствие в регионе.

Кроме того, Москва не может и не готова экономически конкурировать с Пекином. Тем не менее, по мнению авторов доклада, возможно создание де-факто китайско-российского кондоминиума в Центральной Азии. В таком случае, Китай будет иметь возможность свободно получать в регионе прибыль в финансовом отношении, в то время как Россия будет сохранять решающее влияние на политическое и стратегическое поведение органов власти центрально-азиатских стран через свою роль в качестве гаранта безопасности.

С точки зрения Москвы, такая ситуация будет обеспечивать ее основные интересы создания сферы влияния и ограничения участия Запада в регионе, а также позволила бы России не нести дополнительные расходы, необходимые для предотвращения коллапса в любом из государств Центральной Азии. Эту функцию мог бы взять на себя Китай за счет сочетания инфраструктурных проектов, инвестиций, и кредитов [28].

Также в Институте следят за развитием ЕАЭС. Например, в материале «Евразийский союз: восходящая или падающая звезда?» (The Eurasian Union: rising or shooting star?) утверждается, что центральной проблемой Евразийского экономического союза является экономическое неравенство между странами, конкретнее, доминирование России в ЕАЭС. Москва несет на себе основную тяжесть затрат на интеграцию, в основном за счет субсидий. В результате преобладающей роли России в этом объединении, состояние ее экономики неизбежно влияет на союз в целом, что было продемонстрировано на фоне продолжающегося спада экономики, привело к девальвации валюты и сокращению денежных переводов в странах ЕАЭС [29].

Согласно приведенным в исследовании опросам общественного мнения, в 2015 году поддержка евразийской интеграции снизилась в Армении (с 64% до 56%), Беларуси (с 68 до 60%) и Казахстане (с 84 до 80%). Кроме того, важными

проблемами для участников ЕАЭС является отсутствие взаимного доверия и коллективного консенсуса в отношении сферы интеграции, а также расхождение интересов государств во внешней политике. Это привело к напряженности внутри союза и не позволяет его членам полностью интегрировать свои рынки и согласовывать общую внешнюю торговую политику [29].

Еще в одном материале Института подчеркивается, что Евразийский экономический союз рассматривается Москвой как средство расширения своего влияния в регионе. Делается вывод, что хотя теоретически Евразийский союз может способствовать сплоченности региона и препятствовать экспансии Китая и ЕС, его успех в качестве основы экономического развития сомнителен, учитывая фактор западных санкций, колебания цен на нефть и находящуюся в кризисе экономику России [27].

В последнее время аналитики Института более пристальное внимание стали уделять политике и интересам Китая в Центральной Азии. В одном из докладов подчеркивается роль «Шелкового экономического пояса» как части более широкого китайского стратегического видения, делающего Центральную Азию неотъемлемым элементом попыток Пекина усилить свои экономические связи с Западом. При этом интересы Китая простираются от укрепления стабильности, доступности ресурсов и рынков в Центральной Азии, до расширения торговых маршрутов в Европу. До настоящего времени, китайское вовлечение было в основном сосредоточено на экономических вопросах. Но проблемы безопасности все чаще становятся частью переговоров в основном за счет угрозы беспорядков и растущего экстремизма в китайском регионе Синьцзян [27].

Более предметно интересы Китая в Центральной Азии рассмотрены в аналитическом материале «Подъем Китая и безопасность Центральной Азии» (China's rise and Central Asia's security). Автор называет две основные региональные цели Китая в Центральной Азии, связанные с безопасностью.

Во-первых, предотвращение роста насилия в беспокойном Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и, во-вторых, защита китайских граждан и активов [30]. Экстремистские группировки мешают Китаю реализовывать свои региональные проекты. К примеру, боевики неоднократно нападали на китайские объекты в Афганистане и Пакистане и даже убивали или похищали китайских граждан. Поэтому, по мнению аналитика, Пекин в настоящее время отходит от своей чисто экономической политики и наращивает участие в обеспечении безопасности в большой Центральной Азии. Эта позиция была подтверждена в Белой книге 2013 г., в которой впервые в список приоритетов была включена защита китайских граждан и активов за рубежом. В антитеррористическом законе 2015 г. упомянута возможность отправки китайских военных и полицейских антитеррористических миссий за рубеж.

Страны Центральной Азии важны для Китая как торгово-экономические партнеры и поставщики энергоресурсов. Торговля Китая с Афганистаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Пакистаном составила около 61 млрд долларов в 2014 г. Регион имеет все большее значение для Пекина для диверсификации поставок энергии: Китай построил три трубопровода в постсоветских государствах Центральной Азии, а в 2014 году он приобрел около 53% импорта природного газа из Туркменистана и почти 6% из

Казахстана и Узбекистана. Казахстан также является крупным поставщиком урана в Китай (65% в 2014 году) [30]. И, наконец, регион является важной транзитной областью с 890 млрд долларов планируемых инвестиций в инициативу «Один пояс, один путь» (OBOR). Также отмечается, что усиление участия Китая в многосторонних структурах безопасности может в долгосрочной перспективе способствовать большей стабильности и процветанию в Центральной Азии [30].

В целом, по мнению, аналитиков Института, с географической и экономической точек зрения, Центральная Азия имеет значительный потенциал, чтобы стать ключевым маршрутом транзита и крупным экспортером энергоресурсов. Но препятствием на этом пути выступают авторитарные режимы, слабые институты и растущая угроза экстремизма в слабо развитом регионе [27].

Таким образом, эксперты Института исследований проблем безопасности ЕС уделяют внимание исследованию проблем Центральной Азии и изучению политики ключевых региональных игроков. Аналитики рассматривают активность России, в том числе в экономической сфере (например, в рамках ЕАЭС) прежде всего, исходя из предположения, что главным мотивом Москвы является сохранение и укрепление своего регионального влияния. При анализе политики Китая в регионе отмечается постепенный дрейф Пекина от чисто экономических интересов и проектов в сторону инициатив в области безопасности. Что, однако, объясняется не только желанием сохранить стабильность внутри страны и у своих границ, но и необходимостью обеспечить реализацию собственных региональных и межрегиональных проектов. Эксперты института также подвергают критическому анализу политику ЕС и ведущих европейских стран в Центральной Азии и предлагают пересмотреть подходы к целям и механизмам сотрудничества и подумать над тем, каким образом могут быть согласованы действия европейских игроков с политикой России, США и Китая.

Литература

1. Central Asia in a Reconnecting Eurasia-Kyrgyzstan. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/publication/central-asia-reconnecting-eurasia-kyrgyzstan> (13.04. 2016).
2. Central Asia in a Reconnecting Eurasia-Kazakhstan. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/publication/central-asia-reconnecting-eurasia-kazakhstan> (13.04. 2016).
3. U.S. Policy Toward Central Asia 3.0. Carnegie Endowment for International Peace. [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegieendowment.org/2016/01/25/u.s.-policy-toward-central-asia-3.0-pub-62556> (16.06. 2016).
4. Central Asia in a Reconnecting Eurasia: U.S. Policy Interests and Recommendations. Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/publication/150507_Kuchins_CentralAsia_Summary_Report_Web.pdf (13.04. 2016).
5. Johnson Ch.K. Recalibrating on China // 2015 Global Forecast: Crisis and Opportunity. – Washington: Center for Strategic and International Studies, 2014. – P. 73–75.
6. Cordesman A. H. Chinese Strategy and Military Power in 2014. – Washington: Center for Strategic and International Studies; Lanham: Rowman and Littlefield, 2014. – 516 p.
7. Nakano J., Chow E. C. Russia-China Natural Gas Agreement Crosses the Finish Line // Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/publication/russia-china-natural-gas-agreement-crosses-finish-line>, свободный.
8. China's Long March Into Central Asia. Strategic Forecasting Inc. Official Web-site. URL: <https://www.stratfor.com/sample/analysis/chinas-long-march-central-asia>
9. Divergent Perspectives of the Democratic BRICS. A Conversation with C. Meacham, J.G. Cooke, R.M. Rossow moderated by A. Studdart // 2015 Global Forecast: Crisis and Opportunity. – Washington: Center for Strategic and International Studies, 2014. – P. 87–89.

10. Meacham C., Kalout H. Brazil's Presidential Elections. Expectations for Foreign Policy. – Washington: Center for Strategic and International Studies, 2014. – 18 p.
11. Khambatta P. India in 2014: Elections and Economy // Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/publication/india-2014-elections-and-economy>, свободный.
12. Cooke J. G., Downie R. Launching a New Chapter in U.S.-Africa Relations. Deeping the Business Relationship. – Washington: Center for Strategic and International Studies; Lanham: Rowman and Littlefield, 2014. – 18 p.
13. Mankoff J. The Calculations of Russia's Neighbors // 2015 Global Forecast: Crisis and Opportunity. – Washington: Center for Strategic and International Studies, 2014. – P. 34–36.
14. Russia Re-Evaluates Security Ties in Central Asia. Strategic Forecasting Inc. Official Website. URL: <https://www.stratfor.com/sample/analysis/russia-re-evaluates-security-ties-central-asia> (12.08.2016.).
15. Who Wins and Who Loses in a World of Cheap Oil. Strategic Forecasting Inc. Official Website. URL: <https://www.stratfor.com/analysis/who-wins-and-who-loses-world-cheap-oil> (12.08.2016.).
16. Pollard R.A., Hicks G.N. Economic Statecraft Redux: Improving the U.S. State Department's Effectiveness in International Economic Policy. – Washington: Center for Strategic and International Studies, 2014. – 14 p.
17. Verrastro F. A., Mekton M., Ladislaw S. O., Hyland L., Book K. Delivering the Goods: Making the Most of North America's Evolving Oil Infrastructure. – Washington: Center for Strategic and International Studies; Lanham: Rowman and Littlefield, 2015. – 57 p.
18. Miller S., Runde D. F. Opportunities in Strengthening Trade Assistance. – Washington: Center for Strategic and International Studies; Lanham: Rowman and Littlefield, 2015. – 24 p.
19. Ladislaw S. O., Leed M., Walton M. A. New Energy, New Geopolitics. Background Report 2: Geopolitical and National Security Impacts. – Washington: Center for Strategic and International Studies; Lanham: Rowman and Littlefield, 2014. – 67 p.
20. Berteau D. J., Miller S., Crotty R., Nadeau P. Leveraging Global Value Chains for a Federated Approach to Defense. – Washington: Center for Strategic and International Studies; Lanham: Rowman and Littlefield, 2014. – 27 p.
21. Россия и Центральная Азия. – Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii> (Дата обращения 11.09.2016).
22. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / [В.В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2013. – 64 с. – ISBN 978-5-91891-223-2.
23. Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества. Сборник докладов. – М.: МГИМО–Университет, 2010. – 167 с.
24. Центральная Азия: проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая): сб. ст. / под ред. К. А. Кокарева, Д. А. Александрова, И. Ю. Фроловой; Рос. ин-т стратег. исслед.; Кит. акад. современ. междунар. отношений. – М.: РИСИ, 2013. – 316 с.
25. Корнилов А. А. Дебаты политиков и экспертов государства Израиль по вопросам национальной безопасности // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 64–74.
26. Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность: [монография] / Л. О. Бабынина и др.; под общ. ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носова; Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. – М.: Весь Мир, 2015. – 592 с. – Серия: Старый Свет – новые времена. – С. 25.
27. Eva Gross Recalibrating EU-Central Asia relations. Brief – No16–05 June 2015. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Brief_16_Central_Asia.pdf (Дата обращения: 20.10.2016)
28. Józef Lang, Nicu Popescu Central Asia: the view from Russia Alert. – No1 –16 January 2015. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Alert_1_Central_Asia_and_Russia.pdf (Дата обращения: 15.04.2016)
29. Martin Breitmaier The Eurasian Union: rising or shooting star? Alert - No27 - 23 June 2016. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Alert_27_EAEU.pdf (Дата обращения: 10.09.2016)
30. Martin Breitmaier China's rise and Central Asia's security Alert - No21 - 03 June 2016. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Alert_21_Central_Asia_MB.pdf (Дата обращения: 12.09.2016)

31. Корнилов А. А. Региональные приоритеты внешней политики России как отражение нелинейных стратегических подходов // Зарубежное регионоведение: проблемы теории и практики. Материалы VII международной научной конференции. Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – С. 5–12.

THE ROLE OF EXTRA-REGIONAL ACTORS IN SHAPING THE NEW GEOPOLITICAL REALITY IN CENTRAL ASIA

Aleksandr P. Korotyshev

Ph.D., Associate Professor

Department of Foreign Regional Studies and Local History

Institute of International Relations and World History

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: aleks_korotyshev@mail.ru

Denis V. Leushkin

Ph.D., Associate Professor

Department of Foreign Regional Studies and Local History

Institute of International Relations and World History

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: Dleush@rambler.ru

Aleksandr S. Sorokin

Ph.D., Associate Professor

Department of Foreign Regional Studies and Local History

Institute of International Relations and World History

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: aleks_sorokin@mail.ru

The US, EU and Russia expert's approaches towards Central Asia situation are analyzed. Authors investigate the features of leading extra-regional «think tank» perception of this region. Special attention is paid to the expert's suggestions of most important power's policy transformation in the region.

Keywords: Central Asia, expert review, The Russian Federation, The European Union, The United States of America, foreign policy.